

Ключові слова: лірика першої хвилі російської еміграції, концепт «дім», кримський дискурс.

Аннотация

Статья посвящена исследованию крымского дискурса реализации концепта «дом», ключевых субконцептов в лирике поэтессы первой волны русской эмиграции Ирины Кнорринг. В статье доказывается, что в стихотворениях, посвященных Гражданской войне и изгнанию, актуализируется концепт «анти-дом». Дом в изгнании поэтесса воспринимает как *чужой* дом, «анти-дом».

Ключевые слова: лирика первой волны русской эмиграции, концепт «дом», крымский дискурс.

Summary

The article investigates the Crimean discourse of the concept of "home", key subconcepts in the lyrics of poet of the first wave of Russian emigration Irina Knorring. It is proved that the concept of "anti-house" is actualized in the poems dedicated to the Civil War and exile. The poetess perceives home-in-exile as someone else's home, an "anti-home."

Key words: lyrics of the first wave of Russian emigration, the concept of "home", the Crimean discourse.

УДК 821.161.1-1

А.В. Белоус

ОБ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ (1883 – 1887)»

В истории русской поэзии есть немало забытых поэтических книг. Их судьбу нередко определяет невысокий художественный уровень, неудачное время выхода в свет, опережение поэтом своего времени, когда его стихи по достоинству смогли оценить только читатели следующих поколений. Первая поэтическая книга Д.С. Мережковского [2] осталась вне поля зрения читателей и исследователей по совокупности причин. Одна из важнейших состоит в том, что ее заслонила следующая книга молодого поэта, «Символы», которая ознаменовала собой рождение нового поэтического течения. Цель данной статьи состоит в том, чтобы обозначить основные особенности этой ранней книги стихов и определить ее место в истории русской поэзии. К этой теме, к сожалению, обращались в своих исследованиях лишь несколько литературоведов [1; 3; 4].

Анализ этого сборника, рассмотренного в контексте русской поэзии 1880-х гг., позволяет сделать выводы о том, что он находится на пересечении двух

тенденций в литературе тех лет. Одна из них связана с традициями гражданской лирики, заложенными Н.А. Некрасовым и активно развиваемыми создателями народнической поэзии П.Л. Лавровым, Ф.В. Волховским, П.Ф. Якубовичем. Другая ведет свою линию от поэзии А.С. Пушкина к творчеству поэтов «школы А.А. Фета».

Концепция З.Г. Минц о специфике пре-систем [3; 4] позволяет отнести первый поэтический сборник Д.С. Мережковского с пресимволистскому, отличающегося эклектичностью и соединяющему отдельные элементы предшествующей системы, мера соотношения которых различна. Особенно сильным было тяготение молодого поэта к элементам поздненароднической поэзии, проявляющееся в использовании присущей ей образности и аллегоричности, строения стиха, метрических и синтаксических предпочтений. Однако в декларациях поэта, выступавшего как литературный критик, эта преемственная линия не называется: свое творчество он, по слову З.Г. Минц, создавая «ложные генеалогии», возводит к иной традиции, как это не удивительно, тургеневской, осмысленной им как мистическая линия русской литературы.

Книгу стихов «Стихотворения (1883 – 1887)» прижизненная критика восприняла как народническую. Это было связано с оценкой, прежде всего, ее первого отдела, в котором молодой поэт поместил гражданскую лирику, призывающую служить народу и содержащую народнические поэтические штампы. Она свидетельствует об усвоении особенностей поздненароднической поэзии, в которой отчетливо проявились черты ораторского стиля и возникают образы «революционного Христа», борца-мученика, но не крестьянина, а городского образованного человека; мотивы усталости, разочарования, духовного рабства народа. Иным становился и лирический герой поздненароднической поэзии: борца и трибуна сменил образ изгоя, изгнанника. Некоторые перемены в народнической поэзии отразились в поэзии С.Я. Надсона, которому молодой Д.С. Мережковский подражал.

Его гражданской лирике присущи некоторые черты этой поэзии, в том числе, и пафос поиска «правды-справедливости» (Н.К. Михайловский). Потому Д.С. Мережковский преимущественно разрабатывал гражданскую тему и тему поэта и поэзии. В понимании роли поэта молодой поэт колеблется от служения народу до воспевания отвлеченного, а миссию поэта понимает как тяжелый труд и важную общественную задачу, что совпадает с некрасовской традицией. Источником творчества для него являются народные страдания, мир тревог и радостей обыкновенных людей. Сопоставления с поэзией П.Л. Лаврова, Ф.В. Волховского свидетельствуют о плодотворности в поэзии Д.С. Мережковского народнической лексики и поэтических образов («продажного порока», «борца за истину», «в работе, в бедности, в суровой простоте» и пр.). Характерны они и для ранней поэзии Н.М. Минского.

Но в первой книге стихов Д.С. Мережковского неподражательным, оригинальным является образ лирического героя. Это человек, одухотворенный

мыслью об общественном благе, но «изнеженный, больной и пресыщенный», потому он не способен действовать, ничего не может предложить обществу. Как и в поэзии Н.М. Минского, у Д.С. Мережковского возникает тема утомленности от бытия, которой в поздненароднической поэзии нет. Своеобразие темы поэта и поэзии становится очевидным в сопоставлении со стихотворениями Н.М. Минского, С.Я. Надсона и К.Д. Бальмонта, что дает возможность утверждать сходство приемов в разработке жанра стихотворения-некролога, проявляющееся в использовании расхожих штампов, образа поэта-мученика, погубленного равнодушием к нему русской публики.

На раннюю поэзию Д.С. Мережковского оказала воздействие лирика С.Я. Надсона. В его творчестве выявлены две тенденции, в общем виде соответствующие традиции освещения этой темы в русской поэзии: поэт как борец за народное счастье, а поэзия – действенное средство этой борьбы; и поэт-мечтатель, а поэзия – средство ухода в прекрасный мир грез и гармонии. Но сквозной для его поэзии становится тема жертвенного страдания, проникающая в гражданскую, интимную и автопсихологическую лирику. В отличие от «гражданской» линии русской поэзии, тема страдания у С.Я. Надсона связана с осознанием лирическим героем своего бессилия. Характерным для поэта является жанр элегии.

Стихотворения Д.С. Мережковского раннего периода более интеллектуальны, а с точки зрения ритмической и образной – более разнообразны. В отличие от лирического героя в поэзии С.Я. Надсона, у молодого поэта герой растерян и беспомощен от отсутствия идеалов, а не от невозможности их реализовать; он скептичен, разочарован и в своих современниках, и в народе, и в общественных идеалах, и самом миропорядке; он одинок, равнодушен и к себе, и к окружающим. Это проявилось в своеобразии его пейзажной лирики: картины умирающей природы являются символом беспомощности целого поколения, бесплодности усилий, безнадежности стремлений.

В отличие от поэзии Д.С. Мережковского, стихотворения С.Я. Надсона отражают настроения позднего народничества периода его кризиса. В них отразились протест и бессилие лирического героя, призывы к борьбе и разочарование в ее достижениях, поиск идеала в красоте, бескорыстной дружбе, «братстве». В интимной лирике С.Я. Надсона выражается понимание любви как нравственной чистоты и общности убеждений. Его лирический герой является своего рода «лишним» человеком эпохи, и в этом смысле он продолжает гражданственную линию Н.А. Некрасова, но с акцентом не на обличении, а на оправдании бессилия своего поколения. Однако это специфическое содержание он выражает средствами, характерными для пушкинской традиции, прежде всего, в форме романса.

Первую книгу Д.С. Мережковского можно считать свидетельством поисков собственной тематики и образности. В ней возникают темы общественной борьбы, создается образ борца, выступающего за народное

счастье. Его лирический герой, как и у Н.М. Минского, принадлежит к поколению одиноких разобщенных людей, для которых личная трагедия важнее общественной.

Наряду с лексикой и образностью поздненароднической поэзии, в ранней книге стихов Д.С. Мережковского проявились черты, которые определяют особенности его следующего сборника, «Символы»: поэтический образ светобоязни, танатологическое осмысление природы, пространственно-временная двойственность, оппозиция прошлого и современности. Настроения безверия и тоски у лирического героя не мотивированы. Это наблюдение подтверждает и анализ семантики заглавий его стихотворений. Наследуя традиции поздненароднической поэзии, Д.С. Мережковский превращает характерные для нее темы и поэтические образы в абстрактные формулы, в его произведениях нет конкретики борьбы. Он отказывается от образа жертвы, который замещается в его лирике индивидуалистическим бунтом героя. Стихотворения первого раздела его книги выражают противоположные чувства, устремления, а декларации нередко противоречат друг другу.

Вместе с тем, в книге проявились и иные черты наследования, прежде всего, пушкинской традиции и «школы Фета», которые выразились в разных формах интертекста, а также поэтического диалога, отклика, развертывания и трансформации известного сюжета, создании «ложной генеалогии». Сам поэт полагал, что линия преемственности в русской поэзии идет от А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова через А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Ф.И. Тютчева и А.Н. Плещеева к С.Я. Надсону, А.А. Апухтину и А.А. Голенищеву-Кутузову. Наши наблюдения в какой-то мере подтверждают его мнение. Сферой усвоения этой традиции является пейзажная, философская и интимная лирика.

Для пейзажной лирики Д.С. Мережковского характерны перепевы тем и образов русской поэзии: одни из них прямо восходят к предшественникам и вводятся как реминисценции и аллюзии. Однако стихи этих разделов эклектичны, в них поверхностно усвоены достижения и не всегда поэтический текст разлагается на «чужой». Так, поэтический образ «вакханки» маркирован как пушкинский благодаря использованию его индивидуального неологизма, а образ угасающего дня, созданный под влиянием лирики Ф.И. Тютчева, сочетается с расхожими рифмами – «розы – березы», «тише – выше», «любовью – кровью». В ходе анализа выявлены типологически сходные с поэзией А.Н. Плещеева и А.А. Апухтина описания деревенских пейзажей, которым, однако, противопоставлен болезненный мир лирического героя. Как и в лирике Я.П. Полонского, молодой поэт обращается к сопоставлению с городским предметным миром, прежде всего, искусственными, сделанными человеком, украшениями. Подобно А.Н. Майкову в «Эскизах» он обратился к историческим картинам из античной древности и использует сходный способ их поэтического изображения.

Д.С. Мережковский, наследуя достижения лирики «школы А.А. Фета», как уже говорилось, создает «ложные» генеалогии (З.Г. Минц), представляя

своим предшественником И.С. Тургенева как мистика. Он создает подобные его произведениям картины природы, соотносит с ее состоянием чувство человека, однако воплощение отдельных образов («горы») свидетельствует об индивидуальном взгляде на соотношение космоса и человека (горы – иная планета), что в целом характерно для лирики второй части первого отдела – ясность и точность поэтических образов, навеянных лирикой предшественников, осложняется индивидуальными образами, прежде всего, танаталогическими. Создавая произведения на темы, сходные с поэзией «школы Фета», поэт не сохраняет те оптимизм и ясность, которая присуща этой лирике. Индивидуальными также являются настроения одиночества, беспричинной тоски, отчаяния, скуки, оттеняемые картинами прекрасной или враждебной человеку природы.

Интимная лирика первой книги стихов типологически сходна с лирикой А.А. Апухтина, где любовное чувство представлено как болезнь, а лирический герой одинок в любви. У молодого Д.С. Мережковского эта тема является важнейшей, развивается и в стихотворениях на другие темы, а в «Символах» является сквозной. Идеал лирического героя – «литературен», восходит к ряду сюжетов мировой литературы (Микеланджело, Гёте и др.). основной жанр интимной лирики поэта – городской романс. Подтверждением плодотворности этого жанра и актуализации в нем романтических элементов является ряд переложений его стихотворений на музыку. Наряду с осознанием любви как недуга, болезни, в сборнике выявлен второй вариант поэтического осмысления темы: любовь как борьба, развивающийся с помощью «чужих» поэтических формул (Данте, А. Мюссе, Ш. Бодлер), обращением к восточным сюжетам («Ариванза», («Орваси», «Жертва», «Сакья-Муни» и др.).

Эклектичность, соединение стихотворений разной художественной ценности, а также «литературность» являются характерными особенностями лирики молодого поэта. Лучшие произведения книги тесно связаны с предшествующей культурой и «чужими» сюжетами. В «Поэмах и легендах», построенных на литературных и мифологических сюжетах прошлого, акценты связаны со сквозной темой всех произведений: любовь в ее различных ипостасях. Это относится, в первую очередь, к стихотворному переложению «Жития протопопа Аввакума». Здесь возникает первая интерпретация темы – любви к Богу. Разрабатывая ее, поэт в сравнении с М.А. Волошиным и Н.А. Несмеловым, сосредоточился на страдании, однако «борение» протопопа изображено с помощью характерных для народнической поэзии лексических средств. В поэме «Уголино» разработан иной вариант темы – любовь к детям, а в поэме «Орваси» – любовь к людям. При переложении поэт обращается к использованию русской народнопоэтической лексики, противоречащей восточному колориту.

В «Страшном суде» любви к жизни противопоставлен ужас Апокалипсиса, сюжет о котором почерпнут из «Откровения», а в «Песни баядер», литературным источником которой была буддийская книга Лалита-

Вистара, – буддийская скорбь. В поэме «Дон Кихот» обращение к «чужому» сюжету служит для выражения мысли о любви ко всему существу, а в поэме «Жертва» – любовь к «тому, кто слаб», построенной на переработке сюжета из «Махабхараты». Основное средство, которое использовано поэтом, – стилизация претекстов, позволяющая создать специфический колорит при выражении индивидуального содержания.

В ходе анализа выявлено, что характер усвоения Д.С. Мережковским черт лирики поэтов «школы Фета» был противоречивым. Он обращался к темам, разработанным в их поэзии и использовал отдельные поэтические образы и мотивы лирики предшественников. Но равнодушие к гражданственной теме он стремился восполнить в собственном творчестве, что очевидно при сопоставлении четырех стихотворений (А.Н. Майкова, А.Н. Плещеева, А.А. Фета и Д.С. Мережковского) на одну и ту же тему «Сон». У А.Н. Майкова и А.Н. Плещеева разрабатывалось античное понимание сна, однако богиня является к герою первого, чтобы подарить любовь, а ко второму, чтобы призвать его к борьбе. В стихотворении А.А. Фета во сне открывается тайна любви, а в стихотворении Д.С. Мережковского возникает ситуация резни, боя, а сон соотносится с реальной действительностью и является откликом на нее. Попытку молодого поэта создать в ситуации сна другую эстетическую реальность и в то же время соотнести ее с внеэстетическими явлениями, является предвестником раннего символизма с его двойничеством, что сближает лирику поэта и с поэзией А.А. Голенищева-Кутузова.

Наряду с усвоением и трансформацией традиции двух линий русской поэзии в первом стихотворном сборнике Д.С. Мережковского проявились черты индивидуальной творческой манеры и создан образ собственного лирического героя. К индивидуальным чертам поэзии можно отнести тему религиозных сомнений, смысла и цели жизни, сомнение в силе разума, противоречивость позиции лирического героя. Поэт выражает крайние настроения и идеи, между которыми невозможна гармония.

В книге «Стихотворения» обнаружены черты, свойственные ранней символистской эстетике: двойничество, оппозиции «жизнь – смерть», «явь – сон», «настоящее – прошлое»; темы ужаса перед смертью, специфического смысла любви (к Богу, самому себе, к жизни, к культуре), опозтеизация тоски, мотивы усталости, безразличия, бессилия. Они в полной мере выразились в его следующей книге стихов «Символы», которая, наряду с литературными манифестами и декларациями, признана первым очевидным свидетельством утверждавшегося поэтического течения.

Литература

1. Кумпан К.А. Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») / К.А. Кумпан // Д.С. Мережковский. Стихотворения и поэмы [вст. ст., сост., подг. текста и прим. К.А. Кумпан]. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 5 – 116. (Серия «Новая Библиотека поэта»).

2. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы / Дмитрий Сергеевич Мережковский [вст. ст., сост., подг. текста и прим. К.А. Кумпан]. – СПб.: Академический проект, 2000. – 928 с. (Серия «Новая Библиотека поэта»).
3. Минц З.Г. Статья Н Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма / Зара Григорьевна Минц. Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 150 – 161.
4. Минц З.Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) / Зара Григорьевна Минц. Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 162 – 174.

Анотація

У статті підбиваються підсумки дослідження першої поетичної книги Д.С. Мережковського у контексті російської поезії 1880-х р., підставою для якого стала концепція З.Г. Мінц про перед-системи. Доводиться, що книга знаходиться на перехресті двох тенденції – громадянської, джерелом якої є поезія М. Некрасова, та естетичної, пов'язаної із творчістю О. Пушкіна та поетів «школи Фета». У збірці виявлено еклектизм, протиріччя, непослідовність, пошуки молодим поетом свого власного голосу та інтонації.

Ключові слова: перед-система, перед-символізм, еклектичність, традиція, мотив втоленості.

Аннотация

В статье подводятся итоги исследования первой поэтической книги Д.С.Мережковского в контексте русской поэзии 1880-х гг., основой для которого стала концепция З.Г. Минц о пре-системах. Доказывается, что книга находится на пересечении двух тенденций – гражданской, источником которой стала поэзия Н. Некрасова, и эстетической, связанной с творчеством А. Пушкина и поэтов «школы Фета». В сборнике выявлены эклектизм, противоречивость, непоследовательность, поиски молодым поэтом своего собственного голоса и интонации.

Ключевые слова: пре-система, пре-символизм, эклектизм, традиция, мотив утомленности.

Summary

The article summarizes the research D.S.Merezchkovskiyi first book of poetry in the context of Russian poetry of the 1880s, which became the basis for the concept to the pre- systems of Z.G.Mintz. The prove that the book is at the intersection of two trends- the civil, the source of which was the poetry of N.Nekrasov and aesthetic associated with the works of A.Pushkin and poets “Fet's school”. The book revealed eclectic, contradictory, inconsistent, the search for a young of his own voice and intonation.

Key words: pre- system, pre- symbolism, eclecticism, the tradition, the motive fatigue.

УДК 82-343"652"

*С.В. Березна***ІСТОРИЗАЦІЯ МІФІВ В АНТИЧНІ ЧАСИ**

На межі тисячоліть відчутно посилюється інтерес до образів та сюжетів античної міфології, адже міф як досвід поколінь представляє пам'ять століть та стає гарантом стабільності. Дослідники вказують на виключну роль міфів в історії людства, «так як химерна фантастичність первісної міфології та її стихійний ідеалізм не виключають пізнавального значення міфологічних класифікацій та головної ролі міфів у соціальному житті племен» [1, с.163].

До проблеми міфів звертались літературознавці (Є.М.Мелетінський, Ю. Лотман, А. Лосєв), історики (Ю. Афанасьєв), філософи (Ф. Кесиді, К. Хюбнер, О. Шпенглер, К. Поппер) тощо [1; 6; 8; 14; 2; 4; 7].

Сучасний погляд на античність нерідко постає у формі історизації міфу, де міфологічне розуміння світу трансформується до космологічного, та згодом на межі історичного та міфологічного рядків з'являється культурний герой. О. Шпенглер, розглядаючи античні часи, вказує, що міф був «загальноприйнятим сюжетом» для того часу. Дослідник зазначає: «...антична історія впритул до персидських війн, а рівним чином і традиційна конструкція більш пізніх періодів, стає продуктом саме міфічного мислення... де відбувається фабрикація римської історії доганібалівського періоду» [7, с. 21].

На думку О.Ф.Лосєва грецький міф не психологічний, та повною мірою відноситься до продукту будь-якої доеліністичної творчості і його суб'єкта. «Але,- пише дослідник, те, що людина при цьому вільна лише в рамках міфу, не робить її менш вільною у порівнянні із сучасною людиною... І оскільки античний грек епохи архаїки і класики все-таки є наскрізь онтологічним, то внутрішній конфлікт між героєм і долею відсутній, як скоро першому відкривається другий у всій своїй повноті» [8, с. 87].

У пам'ятках античної культури, крім міфологічних героїв, з'являються реальні історичні особистості. Так, в результаті археологічних розкопок в ХІХ столітті Г. Шліман підтвердив оповідання Гомера про існування Трої. Сюжети фресок, скульптурних композицій, свідчать про існування жертвоприношень. Дані відкриття дозволяють подивитись на міфологічні оповідання Стародавньої Греції та Риму як на симбіоз реальних та вигаданих подій.

Міф стає адекватним для даного етапу розвитку людини способом рефлексії над сутністю буття. В міфах за образною формою викладаються причинно-наслідкові умови буття людства, пропогануються моральні цінності суспільства. Так, міфічні оповідання Гомера «Іліада» та «Одисея» для людини античного світу мали настільки широкий характер, що дані роботи навіть порівнюють з роллю Біблії в Середньовіччі.